Призраки Сумеречного базара. Книга первая

Автор:
Кассандра Клэр

Призраки Сумеречного базара. Книга первая

Кассандра Клэр

Миры Кассандры КлэрСумеречные охотникиПризраки Сумеречного базара

Пять новых историй из мира Сумеречных охотников и жителей Нижнего Мира. Разные истории. Разные герои. Разные эпохи – но есть то, что их объединяет. Место – Сумеречный базар. Здесь можно найти все что угодно для колдовства и магии. Здесь жители Нижнего мира заключают темные сделки, делятся тайнами и секретами. И человек – Джем Карстерс, вписавший немало славных страниц в историю Сумеречных охотников.

Кассандра Клэр

Призраки Сумеречного базара. Книга первая

Cassandra Clare

Ghosts of The Shadow Market

Book I

Copyright © 2018 by Cassandra Clare, LLC

© И. Литвинова, М. Моррис, А. Осипов, © перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан. Сын рассвета

Нью-Йорк, 2000 год

Внутри каждого мира таятся иные миры. И те, кто ищет свой дом, странствуют по всем мирам, в какие только могут проникнуть.

Некоторые представители рода человеческого полагали, будто их мир – единственный на свете. Они и не догадывались, что есть и другие, до которых подать рукой, и демоны неутомимо ищут дверь, чтобы к ним пробраться, а Сумеречные охотники эту дверь стерегут. И уж тем более не догадывались, что существует Нижний мир – община волшебных созданий, которые обитают в одном мире с людьми, выкраивая себе в нем место.

Всякой общине нужно сердце. Должно быть какое-то место, где можно собираться всем вместе, торговать товарами и тайнами, обретать любовь и богатство. И потому-то по всему миру работали Сумеречные базары, куда приходили жители Нижнего мира и люди, наделенные Зрением. Обычно торговцы расставляли свои лотки и палатки под открытым небом.

Но в Нью-Йорке даже магия была немного не такой, как везде.

Заброшенный театр стоял на Канал-стрит с двадцатых годов – немой свидетель, но ни в коей мере не соучастник той бурной деятельности, к которой, в сущности, и сводилась жизнь города. Люди, лишенные Зрения, проходили мимо его терракотового фасада, спеша по своим делам. Если кто-то и бросал на него случайный взгляд, им казалось, что театр, как всегда, темен и пуст.

Им не дано было увидеть дымку эльфийского света, заливавшего золотом ободранный амфитеатр и голые бетонные залы. А Брату Захарии – дано.

Дитя безмолвия и тьмы, он шел по залам, вымощенным желтой, как солнечный свет, плиткой; золотые и алые панели полыхали на потолке у него над головой. В альковах по стенам стояли почерневшие от старости бюсты, но сегодня фэйри увили их цветами и плющом. Оборотни развесили на заколоченных окнах мерцающие амулеты в виде полумесяцев и звезд, чуть расцветив полуистлевшие красные портьеры, которые до сих пор висели в арочных оконных проемах. Фонари со створками напомнили брату Захарии о тех давних временах, когда он сам – и весь мир – были совсем другими. В одном из огромных и гулких залов висела люстра, давно уже не работавшая, но этой ночью магия чародеев окружила все лампочки разноцветным пламенем. Они сверкали словно самоцветы – аметисты и рубины, сапфиры и опалы, их свет создавал какой-то особый мир, казавшийся и старым, и новым, и возвращали театру весь его былой блеск. Некоторым мирам отмерен срок жизни всего лишь на одну ночь.

Если бы Базар мог наделить его теплом и светом хоть на одну ночь, Брат Захария согласился бы не глядя.

Настойчивая фэйри четырежды попыталась продать ему приворотный талисман. Захария, может, и хотел бы, чтобы на него действовали такие талисманы. Существа, настолько далекие от всего человеческого, как он, никогда не спали, но иногда он ложился и отдыхал, надеясь обрести подобие покоя. Но покой никогда не приходил. Долгие ночи напролет брат Захария чувствовал, как любовь утекает у него между пальцев – больше воспоминание, чем настоящее чувство.

Брат Захария не принадлежал Нижнему миру. Он был Сумеречным охотником, и не просто Сумеречным охотником, а членом братства, посвятившего себя тайной магии и мертвецам. Безмолвные Братья, неизменно в плащах с капюшонами, дали скрепленный рунами обет молчания, отрешились от всего мирского. Нередко они внушали страх даже своим сородичам, а жители Нижнего мира, как правило, вообще избегали Сумеречных охотников, – но к присутствию именно этого Сумеречного охотника на Базарах они уже успели привыкнуть. Брат Захария приходил на Базары уже лет сто – в долгих поисках, которые (даже сам он уже начинал так думать), могли оказаться бесплодными. И все же он продолжал искать. Брат Захария владел немногим, но времени у него было предостаточно, и он старался не терять терпения.

Впрочем, сегодняшний вечер уже успел его разочаровать. Чародею Рагнору Феллу сообщить ему было нечего. Никто из других его немногочисленных

связных, собранных с большими трудами не за один десяток лет, не явился. Брат Захария медлил не потому, что на этом Сумеречном базаре ему нравилось, а лишь потому, что он помнил, как нравилось ему на Базарах когда-то.

Тогда это был словно побег из тюрьмы, но Брат Захария почти забыл, каково это – стремиться сбежать из Города Костей, который стал его домом. На задворках сознания, холодные, как прилив, который вот-вот смоет все остальное, постоянно звучали голоса его Братьев.

Они торопили его скорее вернуться домой.

Брат Захария развернулся в мерцании усыпанных алмазами окон. Он уходил с Базара, пробираясь сквозь смеющуюся и торгующуюся толпу, когда услышал, как женский голос произнес его имя:

– Так, еще раз: на кой нам этот Брат Захария? С нормальными нефилимами проблем не оберешься: ангельская кровь, выглядят так, будто трость проглотили, и ходят такие важные. А уж с Безмолвными Братьями, держу пари, там не трость, а целый боевой посох. В караоке с ним точно не сходишь.

Девушка говорила по-английски, но юноша ответил ей по-испански:

– Тихо. Я его вижу.

Это оказалась пара вампиров, и, когда Брат Захария обернулся, юноша вскинул руку, чтобы привлечь его внимание. Ему было на вид не больше пятнадцати лет, а второй, девушке – не больше девятнадцати, но для Захарии это ничего не значило. Сам он тоже до сих пор выглядел молодо.

Чтобы незнакомый обитатель Нижнего мира по доброй воле попытался привлечь его внимание? Это было что-то новенькое.

– Брат Захария? – уточнил юноша. – Мне нужно с вами поговорить.

Девушка присвистнула.

– Вот теперь вижу, на что он нам сдался. Приветик, брат Ах-ария.

Вот как? – переспросил у юноши Брат Захария. Он испытывал нечто такое, что в былые времена сошло бы за удивление, и был как минимум заинтригован. Могу я быть вам чем-то полезен?

– Очень на это надеюсь, – сказал вампир. – Я – Рафаэль Сантьяго, заместитель главы Нью-Йоркского клана, и бесполезных не люблю.

Девушка взмахнула рукой.

– Я – Лили Чен. Он всегда такой.

Брат Захария взглянул на них с новым интересом. Прядки в волосах вампирши были выкрашены в неоново-желтый цвет, алое ципао[1 - Ципао – длинная рубашка-платье, плотно облегающее фигуру, с высокими разрезами по бокам.] очень ей шло, и, несмотря на сказанное ею, она улыбалась словам своего спутника. Юноша был кудряв, миловиден и всем своим видом излучал презрение. Под горлом у него, где мог бы висеть крест, виднелся шрам от ожога.

Полагаю, у нас есть общие друзья, сказал Брат Захария.

– Не думаю, – возразил Рафаэль Сантьяго. – Друзей у меня нет.

– Ой, ну спасибо тебе большое, – сказала стоявшая рядом девушка.

– Ты, Лили, – холодно произнес Рафаэль, – моя подчиненная.

Он вновь обернулся к Брату Захарии.

– Я так полагаю, вы имеете в виду чародея Магнуса Бейна. Этот мой коллега всегда имел с Сумеречными охотниками куда больше дел, чем мне представляется допустимым.

Интересно, подумал Захария, а говорит ли эта Лили на мандаринском наречии? Безмолвные Братья, изъяснявшиеся передачей мысли, в языках не нуждались, но по родному Захария порой скучал. Бывали ночи (в Безмолвном Городе всегда стояла ночь), когда он и имени-то своего не помнил, но помнил, как его мать,

или отец, или нареченная говорили на мандаринском. Его невеста учила ради него китайский – тогда он еще думал, что доживет до свадьбы. Он был бы не прочь подольше поговорить с Лили, но тон ее спутника ему не очень понравился.

Поскольку вам, судя по всему, до Сумеречных охотников дела нет, а в наших общих знакомых вы заинтересованы слабо, заметил Брат Захария, зачем вам понадобился я?

– Мне нужно поговорить с Сумеречным охотником, – сказал Рафаэль.

Так почему бы не отправиться в ваш Институт?

Рафаэль презрительно усмехнулся, обнажив клыки. Никто не умел усмехаться так, как вампиры, а этот вампир усмехался особенно мастерски.

– Этим Институтом, который вы называете моим, заправляют… как бы помягче выразиться… фанатики и убийцы.

Мимо прошел фэйри, торговавший лентами с вплетенными в них чарами иллюзий; за ним тянулись голубые и лиловые флаги.

Выразились вы не особенно мягко, не удержался Брат Захария.

– И правда, – задумчиво сказал Рафаэль. – Тактичность – не самая сильная моя сторона. В Нью-Йорке жизнь Нижнего мира всегда била ключом. В огнях этого города мы все словно оборотни, воющие на электрическую луну. Еще до меня тут один чародей попытался уничтожить мир. Глава моего клана, вопреки моим советам, пошла на катастрофический эксперимент с наркотиками и превратила город в скотобойню. Схватки оборотней не на жизнь, а на смерть за главенство над стаей в Нью-Йорке случаются гораздо чаще, чем где бы то ни было. Семейство Уайтлоу из Нью-Йоркского Института понимало нас, а мы – их. Уайтлоу пали, защищая жителей Нижнего мира от тех, кто теперь занимает их Институт. Конечно же, когда Конклав назначил нас карой для Лайтвудов, нас самих он не спрашивал. Теперь мы не хотим иметь с Нью-Йоркским Институтом ничего общего.

Рафаэль говорил уверенно, и Брат Захария подумал, что наверное, стоит обеспокоиться. Он сражался во время Восстания – когда банда молодых отступников взбунтовалась против своих вождей и против Соглашений с Нижним миром. Ему рассказывали, как Круг Валентина открыл в Нью-Йорке охоту на оборотней и как на пути у Круга встали Уайтлоу, а это привело к такой трагедии, которой не хотели даже повстанцы – кучка озлобленных, ненавидящих Нижний мир юнцов. От того, что Лайтвудов и Ходжа Старквезера сослали в Нью-Йорк, Брат Захария был не в восторге, но поговаривали, что Лайтвуды с тремя детьми тут осели и искренне раскаиваются в том, что натворили раньше.

Мирская боль и борьба за власть, если смотреть на них из Безмолвного Города, казались очень далекими.

Захария и не догадывался, что жители Нижнего мира возненавидят Лайтвудов настолько, что откажутся от их помощи даже тогда, когда Сумеречные охотники понадобятся по-настоящему. Наверное, стоило все-таки догадаться.

У жителей Нижнего мира и Сумеречных охотников долгое и сложное прошлое, полное боли, и вина за это большей частью лежит на нефилимах, признал Брат Захария. И все же за века они научились работать вместе. Я знаю, что пока Лайтвуды следовали за Валентином Моргенштерном, они творили чудовищные вещи, но если они и вправду раскаиваются, почему вы не можете их простить?

– На мне самом вечное проклятие, так что с моральной точки зрения я против Лайтвудов ничего не имею, – нравоучительным тоном изрек Рафаэль. – Но я имею серьезные возражения против перспективы лишиться головы. Если у Лайтвудов будет хоть малейший предлог, они истребят весь мой клан.

Единственная женщина, которую когда-либо любил Захария, была чародейкой. Он видел, как она скорбит из-за Круга и его деяний. У Брата Захарии не было никаких причин поддерживать Лайтвудов, но всякий заслуживал второго шанса, если по-настоящему его хотел.

А еще среди предков Роберта Лайтвуда была женщина, которую звали Сесили Эрондейл.

Вряд ли до этого дойдет, мягко возразил вампиру Брат Захария. И разве не лучше восстановить отношения с Институтом, вместо того чтобы ловить на Сумеречном базаре Безмолвного Брата?

– Разумеется, лучше, – сказал Рафаэль. – Я признаю, что ситуация далека от идеальной. Но это не первый хитрый план, который я был вынужден применить, когда мне понадобилась аудиенция у Сумеречных охотников. Пять лет назад я пил кофе с проезжей представительницей Эшдаунов.

Обоих вампиров передернуло от отвращения.

– Ненавижу Эшдаунов! Вот просто ненавижу, – заметила Лили. – Такие зануды! Думаю, что если бы я решила попробовала кровь кого-то из них, то уснула бы в процессе.

Рафаэль бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Но я даже подумать не могу, чтобы выпить крови Сумеречного охотника без его согласия, ведь это было бы нарушением Соглашений! – громко заявила Лили. – Соглашения для меня чрезвычайно важны.

Рафаэль зажмурился, лицо его на миг исказила гримаса отвращения, но мгновение спустя он открыл глаза и кивнул.

– Ну так что, Брат Воздыхария, поможете нам выпутаться? – безмятежно спросила Лили.

Безмолвное Братство обдало его холодной волной неодобрения – словно разум завалило камнями. Захария пользовался огромной, по меркам Безмолвных Братьев, свободой, но частыми визитами на Сумеречные базары и ежегодными встречами с некой дамой на мосту Блэкфрайерс он и без того испытывал их терпение.

Если бы Брат Захария начал общаться с жителями Нижнего мира по тем вопросам, которые вообще-то прекрасно решались силами Института, его привилегии, чего доброго, могли бы и отозвать.

Рисковать встречей на мосту он не мог. Чем угодно, только не этим.

Безмолвным Братьям запрещено вмешиваться в дела внешнего мира. В чем бы ни состояли ваши затруднения, сказал брат Захария, я убедительно призываю вас обратиться по этому вопросу в ваш Институт.

Он склонил голову и собрался уйти.

– Мои затруднения, – сказал ему в спину Рафаэль, – это оборотни, контрабандой ввозящие в Нью-Йорк инь-фэнь. Слыхали когда-нибудь про инь-фэнь?

Колокола и песни Сумеречного базара словно умолкли.

Брат Захария резко повернулся обратно к вампирам. Рафаэль Сантьяго глядел на него мерцающими глазами, и у Брата Захарии не осталось ни малейшего сомнения в том, что ему немало известно о его, Брата Захарии, биографии.

– А, – сказал вампир, – вижу, слыхали.

Брат Захария, как правило, старался хранить воспоминания о смертной жизни – но теперь ему пришлось сделать усилие, чтобы прогнать непрошеный ужас, который он испытал ребенком, когда все, кого он любил, оказались мертвы, а в его венах горело серебряное пламя.

Откуда вы знаете про инь-фэнь?

– Не намерен ни сообщать вам, – сказал Рафаэль, – ни допустить, чтобы эта дрянь свободно распространялась в моем городе. Сюда идет большая партия инь-фэня – на борту грузового судна с товарами из Шанхая, Хошимина, Вены и самого Идриса. Его будут разгружать в Нью-Йоркском порту, в пассажирском терминале. Так вы поможете мне или нет?

Рафаэль уже упоминал, что глава его клана проводила какие-то ужасные эксперименты с наркотиками. Захария был уверен, что среди множества потенциальных покупателей на Базаре ходят слухи о грузе инь-фэня. Однако то, что обитатель Нижнего мира, придерживающийся консервативных взглядов, услышал об этом, нельзя было объяснить иначе, как чистой удачей.

Я вам помогу, сказал Брат Захария. Но мы должны посоветоваться с Институтом. Если хотите, я могу пойти с вами и объяснить суть дела. Лайтвуды примут информацию с благодарностью – и вас, коль скоро вы ее предлагаете. Это шанс улучшить отношения между Институтом и нью-йоркским Нижним миром.

Кажется, Рафаэля это не слишком убедило, но, подумав немного, он кивнул.

– Вы пойдете со мной? – спросил он. – Не подведете? Вампира они слушать не станут, но, полагаю, могут прислушаться к Безмолвному Брату.

Сделаю все, что смогу, пообещал Брат Захария.

В голосе Рафаэля зазвучала хитрость.

– А если они мне не помогут? Если они, или даже сам Конклав, откажутся мне поверить, что вы будете делать тогда?

Тогда я все равно вам помогу, сказал Брат Захария, не обращая ни малейшего внимания на ледяной вой Братьев в своем разуме и думая о ясных глазах Тессы.

Он с ужасом думал о том, что пропустит встречу с Тессой, но когда наконец встретится с ней, то хотел бы смотреть ей в глаза со спокойной совестью. Он не мог допустить, чтобы еще хоть один ребенок страдал так, как когда-то страдал он сам, – если уж в его силах это предотвратить.

Захария почти утратил чувства, присущие смертным, но Тесса до сих пор могла чувствовать. Нельзя, чтобы она в нем разочаровалась. Она была его последней путеводной звездой.

– Я пойду с вами в Институт, – вызвалась Лили.

– Ни в коем случае! – отрезал Рафаэль. – Это небезопасно. Не забывай, Круг напал на Магнуса Бейна.

В голосе Рафаэля было столько льда, что весь Нью-Йорк в разгар лета мог бы заиндеветь на неделю. Вампир смерил Брата Захарию довольно мрачным взглядом.

– Магнус изобрел ваши Порталы – хотя не сказать, чтобы Сумеречные охотники чувствовали к нему благодарность. Он – один из сильнейших чародеев мира, и при этом настолько мягкосердечен, что готов сломя голову нестись на помощь к безжалостным убийцам. Он – лучшее, что может предложить Нижний мир. Если уж Круг нацелился даже на него, то любого из нас они просто прикончат.

– Да, Магнуса было бы очень жаль, – подтвердила Лили. – Он ведь еще и обалденные вечеринки устраивает.

– Ну, этого я не знаю, – сказал Рафаэль, с отвращением глядя на веселую толчею Базара. – Люди мне не нравятся. И вечеринки тоже.

Оборотень в зачарованной маске полной луны из папье-маше протолкался мимо Рафаэля с криком: «Ау-у-у!» Рафаэль смерил его взглядом, и вервольф попятился, вскинув руки и бормоча:

– Ох, простите, виноват…

Несмотря на некоторое сочувствие к оборотню, Брат Захария несколько расслабился, увидев, что вампир все-таки не совсем безнадежен.

Я понимаю, вы высоко цените Магнуса. И я тоже. В свое время он помог кое-кому, кто был мне очень до…

– Нет, не ценю! – перебил Рафаэль. – И на обстоятельства вашей жизни мне плевать. Не передавайте ему ни слова из того, что я говорил. Я могу придерживаться какого-то мнения о коллегах, но это не значит, что я к ним привязан.

– Эй, чувак, рад тебя видеть! – поздоровался проходивший мимо Рагнор Фелл.

Рафаэль стукнулся с зеленым чародеем кулаками, и Рагнор вновь затерялся снова среди прилавков, звуков и разноцветных огней Базара. Лили и Брат Захария вопросительно уставились на вампира.

– Это всего лишь еще один коллега! – запротестовал Рафаэль.

Рагнор мне нравится, заметил Брат Захария.

– Рад за вас, – огрызнулся Рафаэль. – Получайте и дальше удовольствие от вашего увлечения – всем доверять, ко всем хорошо относиться. Меня лично это привлекает не больше, чем солнечные ванны.

И тут Брат Захария понял, по какой еще причине (не считая злобной вампирши, бывшей Магнуса) при упоминании о вампирском клане Нью-Йорка у Магнуса Бейна всегда начиналась мигрень.

Вместе с Лили и Рафаэлем они неспешно шли по Базару.

– Приворотный талисман для самого симпатичного Безмолвного Брата? – в пятый раз осведомилась фэйри, косясь на них из-под волос, похожих на пух одуванчика. Порой приходилось жалеть, что ему удалось стать завсегдатаем на Сумеречном базаре.

Я знаю эту женщину, подумал он, смутно припоминая, как она причиняет боль златовласому ребенку. Это было так давно… Тогда он все принимал очень близко к сердцу.

Лили фыркнула.

– Очень сомневаюсь, что Брату Зверь-с-двумя-спин-арии нужен приворот.

Благодарю, но нет, сказал фэйри Брат Захария. Я весьма польщен, хотя Брат Енох, конечно, очень привлекательный мужчина.

– Или, может, вам с леди пригодились бы слезы феникса, чтобы горячая ночь прошла без… – она вдруг умолкла на полуслове, а ее прилавок выпустил куриные лапы и побежал прочь по голому бетонному полу. – Ой, не берите в голову! Не видела, Рафаэль, что и ты тут.

Рафаэль поднял и вновь нахмурил тонкие брови – как будто упал нож гильотины.

– Он все веселье убивает хуже Безмолвных Братьев, – пробормотала Лили. – Стыд-то какой.

Рафаэль выглядел очень самодовольным. В голове у Захарии Брат Енох изливал раздражение по поводу того, что стал предметом шутки. Блеск и суета Сумеречного базара сияли для Брата Захарии бледным светом. Даже думать о том, что инь-фэнь, подобно серебряному пожару, охватит еще один город, убивая быстро, как пламя, или медленно, как удушающий дым, ему не хотелось. Если угроза действительно есть – он обязан это остановить. В конце концов, нынешний поход на Базар все же принес пользу. Пусть Брат Захария и не мог испытывать чувств, но он мог действовать.

Возможно, завтра вечером Лайтвуды завоюют ваше доверие, заметил Брат Захария, когда они с вампирами вышли в толпу простецов на Канал-стрит.

– Маловероятно, – сказал Рафаэль.

Я всегда считал, что лучше надеяться, чем впадать в отчаяние, спокойно возразил брат Захария. Встретимся у Института.

За спинами у них мерцали зачарованные огни, а из залов театра доносилась музыка фэйри. На здание посмотрела женщина-простец. Сверкающий синий луч упал на ее невидящие глаза.

Вампиры направились на восток, но, пройдя немного, Рафаэль оглянулся на стоявшего на улице Брата Захарию. В ночи, вдали от огней Базара, шрам на горле вампира казался белым, а глаза – черными. Эти глаза замечали слишком много.

– Надежда – для глупцов. Завтра вечером я с вами встречусь, но запомните, Безмолвный Брат, – произнес он, – ненависть не ржавеет. Работа Круга еще не закончена. Наследие Моргенштернов потребует новых жертв. И я не намерен стать одной из них.

Погодите, сказал брат Захария. Вы, случайно, не знаете, почему судно будут разгружать в пассажирском терминале?

Рафаэль пожал плечами.

– Я же вам сказал – судно везет груз из Идриса. Полагаю, на борту какой-нибудь мелкий Сумеречный ублюдок.

Брат Захария покинул Базар в одиночку, думая о ребенке на корабле со смертоносным грузом – и о многих других потенциальных жертвах.

Изабель Лайтвуд не привыкла нервничать из-за чего бы то ни было, но кто угодно начал бы волноваться перед перспективой прибавления в семье.

Все было совсем не так, как перед рождением Макса, когда Изабель и Алек держали пари, мальчик это будет или девочка, а потом мама с папой доверились им настолько, что разрешили по очереди его подержать – самый маленький и нежный на свете кулечек.

А теперь им собирались подсунуть мальчика старше самой Изабель, да еще предполагалось, что он так и останется жить с ними. Джонатан Вейланд, сын папиного парабатая Майкла Вейланда. Далеко, в Идрисе, Майкл Вейланд умер, и Джонатану нужен был дом.

Самой Изабель даже немного не терпелось его увидеть. Приключения и компания ей нравились. Если Джонатан Вейланд окажется не скучнее – и бойцом не хуже, – чем Алина Пенхоллоу, которая иногда навещала Лайтвудов с матерью, Изабель примет его с радостью.

Но дело было не в одной Изабель.

С тех самых пор, как им сообщили о смерти Майкла, родители только и делали, что ссорились из-за Джонатана Вейланда. Изабель так понимала, что маме Майкл Вейланд не нравился. Она не была уверена, что и папе он так уж нравился. Сама Изабель никогда Майкла Вейланда не видела. Она даже не знала, что у папы был парабатай. Ни мама, ни папа никогда не вспоминали о молодости – правда, мама как-то сказала, что они тогда наделали много ошибок. Изабель порой гадала: может быть, они влипли в те же неприятности, что и их наставник Ходж? Ее подруга Алина говорила, что Ходж – преступник.

Но что бы ее родители ни сделали, Изабель не думала, что мама горит желанием, чтобы дома у нее было живое напоминание об ошибках – Джонатан Вейланд.

Папа, говоря о своем парабатае, вовсе не выглядел счастливым. Однако он был твердо уверен, что Джонатан должен приехать к ним. Джонатану, говорил папа, некуда больше идти, поэтому он будет жить у них. Так поступают парабатаи. Однажды, когда Изабель подслушивала, как родители кричат друг на друга, папа сказал: «Хотя бы это я обязан сделать для Майкла».

Мама согласилась пустить Джонатана на время – на испытательный срок, и они больше не кричали друг на друга, но и разговаривать почти перестали. Изабель волновалась за них обоих – особенно за маму.

А еще Изабель приходилось думать о брате.

Алек не любил новых людей. Каждый раз, когда из Идриса прибывали новые Сумеречные охотники, Алек таинственным образом куда-то исчезал. Однажды Изабель увидела, как он прячется за большой вазой, а сам Алек утверждал, что заблудился, когда искал зал для тренировок.

Джонатан Вейланд плыл в Нью-Йорк на корабле, и послезавтра утром должен был оказаться в Институте.

Изабель в доспехах упражнялась с хлыстом в зале для тренировок и размышляла о проблеме Джонатана Вейланда, но тут раздались торопливые шаги, Алек заглянул в дверь. Его синие глаза блестели.

– Изабель! – окликнул он. – Быстрее! В Убежище к маме и папе пришел Безмолвный Брат! И с ним – вампир!

Изабель помчалась к себе в комнату – переодеться в платье. Безмолвные Братья считались высшим обществом – и это было как если бы к ним на огонек заглянул сам Консул.

Когда она спустилась вниз, Алек уже явился в Убежище и наблюдал за переговорами, а родители были глубоко погружены в разговор с Безмолвным

Братом. Изабель услышала, как мама сказала что-то вроде: «Йогурт! Поверить не могу!»

Может, не йогурт. Может, другое слово.

– На одном корабле с сыном Майкла! – воскликнул папа.

Точно не йогурт… Разве что у Джонатана Вейланда ну очень сильная аллергия на молочные продукты?

Безмолвный Брат оказался совсем не таким страшным, как ожидала Изабель. Судя по тому, что было видно под капюшоном, он напоминал какого-то певца-простеца, чьи афиши Изабель видела в городе. А судя по тому, как кивал ему Роберт и как подалась вперед Мариза, сидевшая в кресле, они поладили, – догадалась Изабель.

Вампир с родителями не говорил. Он стоял, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, и испепелял взглядом пол. Судя по его виду, он меньше всего на свете был настроен с кем-либо ладить. Выглядел он как ребенок, едва ли старше самой Изабель, и был бы почти таким же симпатичным, как и Безмолвный Брат, если бы не его кислое лицо. На нем была черная кожаная куртка – под стать хмурой физиономии. Изабель отчаянно жалела, что клыков не видно.

– Могу я предложить вам кофе? – натянутым тоном холодно спросила у вампира Мариза.

– Я не пью… кофе, – сказал вампир.

– Странно, – сказала Мариза. – Я слышала, вы чудесно попили кофе с Кэтрин Эшдаун.

Вампир пожал плечами. Изабель знала, что вампиры мертвые, у них нет души, и так далее, но все равно не понимала, зачем грубить.

Она пихнула Алека в бок.

– Смотри на вампира, не отвлекайся. Прямо не верится, а?

– Да знаю я! – прошептал в ответ Алек. – Разве он не офигенный?

– Чего? – возмутилась Изабель, схватив его за локоть.

Алек даже не посмотрел на нее. Он внимательно разглядывал вампира. На Изабель вновь нахлынуло то неловкое чувство, которое охватывало ее всякий раз, когда она замечала, что Алек смотрит на те же постеры с певцами, что и она. Алек всегда краснел и злился, если она замечала, что он смотрит. Порой Изабель думала, что хорошо бы поговорить с ним о певцах, как говорили о них, слышала она, девочки простецов, – но знала, что Алек не захочет. Однажды мама спросила, на что это они смотрят, и вид у Алека стал испуганный.

– Не подходи к нему, – взмолилась Изабель. – По-моему, вампиры мерзкие.

Изабель привыкла шептать брату на ухо в толпе. Но вампир чуть повернул голову, и Изабель вспомнила, что слух у них – не то, что у простецов. И он точно ее слышал.

Осознавать это было неприятно, и Изабель не заметила, как ослабила хватку. И тут же в ужасе увидела, как Алек высвободился и с нервной решимостью направился к вампиру. Не желая оставаться в стороне, Изабель потащилась следом, отстав на несколько шагов.

– Привет, – сказал Алек. – Очень… м-м-м… приятно познакомиться.

Мальчик-вампир уставился на него словно смотрел откуда-то издали – но так, будто никакой земной дали ему не хватило бы, и в этот момент он желал бы наслаждаться блаженным одиночеством на просторах космоса.

– Привет.

– Я – Александр Лайтвуд, – сказал Алек.

Скривившись, словно имя из него выдирали под пытками, как сверхсекретную информацию, вампир ответил:

– Я – Рафаэль.

Когда он скорчил гримасу, Изабель увидела клыки. И оказались они совсем не такими крутыми, как она думала.

– Мне почти двенадцать уже, – продолжил Алек, которому едва исполнилось одиннадцать. – Ты не сильно старше меня выглядишь. Но я знаю, у вампиров все по-другому. Вы же вроде как остаетесь в том возрасте, на котором остановились, да? Типа, тебе как будто пятнадцать, но тебе уже сто лет как пятнадцать. А давно тебе пятнадцать?

– Мне шестьдесят три, – сухо сказал Рафаэль.

– Ой, – сказал Алек, – ой. Ой, круто.

Он подошел к вампиру еще на несколько шагов. Рафаэль не отступил, но вид у него стал такой, словно он хотел бы это сделать.

– А еще, – застенчиво прибавил Алек, – у тебя крутая куртка.

– Зачем вы разговариваете с моими детьми? – раздался резкий голос матери.

Она встала с кресла и схватила Алека и Изабель, ее пальцы больно впились в их плечи. Она держала их очень крепко, и через руку матери в Изабель как будто перетек страх, хотя до сих пор она вроде бы не боялась.

Вампир вовсе не смотрел на них как на какую-нибудь вкуснятину. Впрочем, может быть, он просто заманивал их этим деланым безразличием, подумала Изабель. Возможно, Алек оказался под воздействием чар коварного вампира. Было бы неплохо, если бы всю вину за ее тревогу удалось свалить на этого нижнемирца!

Безмолвный Брат тоже встал и подошел к ним. Изабель услышала, как вампир что-то прошептал ему, и была совершенно уверена, что расслышала слова: «Это мой самый страшный кошмар».

Изабель показала ему язык. Рафаэль чуть больше обнажил клыки. И тут Алек все-таки посмотрел на Изабель, чтобы убедиться, что та не напугана. Изабель мало чего боялась, но Алек всегда за нее переживал.

Рафаэль пришел сюда, потому что он беспокоится за дитя Сумеречных охотников, сказал Безмолвный Брат.

– Ничего подобного, – усмехнулся Рафаэль. – Лучше не спускайте глаз со своих детей. Я как-то перебил целую кучу мальчишек не старше, чем этот. Значит, вы отказываетесь помочь с грузом? Потрясен до глубины души. Ну, мы хотя бы попытались. Брат Захария, нам пора.

– Погодите, – сказал Роберт. – Конечно, мы поможем. Встретимся на месте разгрузки в Нью-Джерси.

«Разумеется, папа поможет», – с негодованием подумала Изабель. Этот вампир – идиот какой-то! Какие бы ошибки ее родители ни совершали в молодости, теперь они управляли Институтом и перебили много злобных демонов. Любое разумное существо прекрасно понимает, что на папу всегда можно положиться.

– Можете в любое время советоваться с нами и по другим вопросам, связанным с Сумеречными охотниками, – прибавила мама, но Алека и Изабель так и не отпустила, пока вампир и Брат Захария не покинули Институт.

Изабель надеялась, что необычный визит будет приятно волнующим, а он оказался просто кошмарным. Больше всего на свете она теперь хотела, чтобы Джонатан Вейланд не приезжал.

Гости – это ужасно, и новых Изабель ни за что не хотела.

* * *

План был такой: незаметно пробраться на борт судна, задержать контрабандистов и избавиться от инь-фэня. А ребенок ничего об этом не узнает.

Было почти приятно снова оказаться в одной из узких обтекаемых лодок Сумеречных охотников. Брат Захария в детстве катался по озерам в Идрисе на

тримаранах, а однажды его парабатай угнал один такой, и они доплыли до самой Темзы. А теперь они с раздраженным Робертом Лайтвудом и парой вампиров воспользовались таким же тримараном, чтобы пройти по черным ночным водам реки Делавэр вниз от Камденского порта. Лили все время жаловалась, что они уже чуть ли не в Филадельфии, но вот лодка подошла к огромному грузовому судну. На его сером борту было выведено синими буквами: «Торговец рассветом». Они дождались подходящего момента, и Роберт закинул крюк на борт.

Брат Захария, Рафаэль, Лили и Роберт Лайтвуд забрались на корабль и проникли в пустую каюту. Им показалось, что простецов на борту вообще нет. Затаившись в каюте и прислушиваясь к голосам, они пересчитали контрабандистов и поняли, что их намного больше, чем предполагалось.

– Ого, Брат На-Коленки-Запрыгария, – прошептала Лили. – Кажется, придется с ними драться.

Эта перспектива, казалось, ее только радовала. Она подмигнула и стянула флапперскую головную повязку из перьев со своих расцвеченных желтыми прядками волос.

– Она настоящая, двадцатых годов, так что не хочу ее испортить, – объяснила Лили и кивнула на Рафаэля. – У меня она даже дольше, чем вот он. Он-то – с пятидесятых. Джаз-девушка и юнец-бриолинщик захватывают мир.

Рафаэль закатил глаза.

– Воздержись от прозвищ. Они чем дальше, тем хуже.

– Не воздержусь, – рассмеялась Лили. – Один раз Захария – всегда сновария.

Рафаэль и Роберт Лайтвуд посмотрели на нее с отвращением, но Захария ничего не имел против прозвищ. Смех он слышал нечасто.

Но он волновался за ребенка.

Нельзя допустить, чтобы Джонатана испугали или ранили, сказал он.

Роберт кивнул, вампиры сохраняли равнодушный вид, и тут за дверью раздался мальчишеский голосок.

– Я ничего не боюсь, – произнес он.

«Джонатан Вейланд», – решил Захария.

– Тогда почему ты задаешь столько вопросов о Лайтвудах? – спросила какая-то женщина. В ее голосе звучало раздражение. – Они берут тебя к себе и не станут дурно обходиться с тобой.

– Да мне просто интересно, – сказал Джонатан.

Он явно изо всех сил старался, чтобы его слова звучали беззаботно, и выходило это у него неплохо. Говорил он почти развязно. Кого угодно это бы убедило, подумал Брат Захария.

– У Роберта Лайтвуда есть кое-какое влияние в Конклаве, – заметила женщина. – Надежный человек. Я уверена, он заменит тебе отца.

– У меня уже был отец, – ледяным, как ночной ветер, тоном произнес Джонатан.

Женщина промолчала. На другом конце каюты Роберт Лайтвуд стоял, склонив голову.

– Но вот мать… – с некоторым сомнением произнес Джонатан. – Миссис Лайтвуд – какая она?

– Мариза? Я ее почти не знаю, – ответила женщина. – Трое детей у нее уже есть. С четырьмя будет трудновато.

– Я не ребенок, – сказал Джонатан. – И неприятностей ей не доставлю.

Он помолчал и заметил:

– Тут на борту много оборотней.

– Уф, выросшие в Идрисе детишки такие утомительные, – вздохнула женщина. – Что ж, как ни печально, оборотни, – это правда жизни. Разные существа – они повсюду. Иди в кровать, Джонатан.

Они услышали, как захлопнулась дверь соседней каюты и защелкнулся замок.

– Пора, – сказал Роберт Лайтвуд. – Вампиры – на правый борт. Мы с Братом Захарией – на левый. Сдержите оборотней любыми способами, потом найдите инь-фэнь.

Они высыпали на палубу. Ночь была штормовая, ветер натягивал капюшон Захарии еще глубже, палуба дрожала под ногами. Захария не мог приоткрыть губы, чтобы ощутить привкус соли в воздухе.

Нью-Йорк едва мерцал на горизонте, сияя, подобно огням Сумеречного Базара во тьме. Нельзя было допустить, чтобы на город обрушился инь-фэнь.

На палубе оказалась пара оборотней. Один был в облике волка, и Захария заметил в его шерсти проблеск серебра. У другого уже обесцветились кончики пальцев. Интересно, подумал Захария, знают ли они, что умирают? Он очень живо вспомнил, каково это – было умирать от инь-фэня.

Иногда казалось, что избавиться от чувств – вовсе не так уж плохо. Быть человеком очень больно, а сейчас Захария не мог позволить себе чувствовать жалость.

Брат Захария обрушил посох на голову волка, а когда обернулся, Роберт Лайтвуд уже расправился со вторым оборотнем. Некоторое время они стояли плечом к плечу, прислушиваясь к завываниям ветра и шуму морских волн и дожидаясь, пока остальные поднимутся с нижних палуб. Тут до Захарии донеслись какие-то звуки с другого борта.

Стойте, где стоите, велел он Роберту. Я пойду к вампирам.

К ним пришлось пробиваться. Оборотней оказалось больше, чем предполагал Брат Захария. Поверх их голов было видно, как Рафаэль и Лили, сверкая клыками в свете луны, взмывают в воздух, будто бесплотные тени.

Клыки оборотней он тоже видел. Захария одним ударом сбросил одного за борт и выбил другому зубы. Затем, уворачиваясь от когтей, едва не упал за борт сам. Оборотней было слишком много.

Слегка удивившись, Захария подумал, что, возможно, это конец. Наверное, полагалось чувствовать хоть что-то, кроме удивления, но он чувствовал лишь пустоту, вроде той, что ощущал идя по Базару, и слышал голоса собратьев – холодней самого моря. До вампиров ему дела не было. И до себя самого тоже.

Он услышал рев оборотня, затем – грохот волн. Руки Брата Захарии устали махать посохом. В любом случае, все это давным-давно уже должно было закончиться. Он едва помнил, почему вообще сражается.

На другой стороне палубы оборотень, почти полностью перекинувшийся, нацелил когтистую лапу прямо в сердце Лили. Та в этот момент душила другого оборотня, и возможности защищаться у нее не было.

Распахнулась дверь, и наперерез оборотням бросилась какая-то Сумеречная охотница. Но битва для нее окончилась, не успев начаться. Волк разорвал ей горло, и пока Захария пытался к ней пробиться, на спину ему прыгнул еще один оборотень. Посох выпал из онемевших пальцев Брата Захарии. Оборотень впился ему когтями в плечо, заставляя упасть на колени. Третий оборотень прыгнул на них сверху, и Захария с размаху ударился головой о доски. В глазах у него потемнело. Голоса Братьев и шум моря исчезли, а с ними и весь мир, который его уже не волновал.

На мгновение он увидел пустые глаза мертвой Охотницы, а потом все поглотила тьма. Сам он тоже был пуст. Зачем он вообще сражался?

Но он вспомнил. И не позволил себе забыть.

Тесса, подумал он. Уилл.

Мысли о них всегда были сильнее отчаяния. Он не мог сдаться и предать их.

Они были Уиллом и Тессой, а ты был Кэ Цзянь Мином. Ты был Джеймсом Карстерсом. Ты был Джемом.

Джем выхватил из-за пояса кинжал. С боем поднялся на ноги и отшвырнул оборотня в открытую дверь кабины. Потом посмотрел на Лили.

Перед ней стоял Рафаэль. Одной рукой он закрывал ее, как щитом; его кровь зловещими пятнами алела на палубе. Человеческая кровь ночью казалась черной, но вампирская оставалась красной даже во тьме. Лили выкрикнула его имя.

Брату Захарии срочно требовался его посох, который катился по доскам палубы, серебрясь в лунном свете и гремя, словно кости. На нем отчетливо была видна резьба – темная тень на серебре. Посох подкатился к ногам мальчика, только что шагнувшего наружу, в этот кровавый хаос.

Джонатан Вейланд ошеломленно смотрел на Брата Захарию, оборотней и мертвую Охотницу. Женщина-оборотень готовилась вот-вот прыгнуть на него. Мальчик был слишком маленьким – он еще даже не носил воинских рун.

Брат Захария знал, что не успеет.

Мальчик обернулся – в лунном свете его волосы сияли золотом, – и подхватил посох Захарии. Маленький и стройный, хрупкая преграда на пути тьмы, он бросился навстречу оскаленным клыкам и выпущенным когтям. И сбил волчицу с ног.

На мальчика бросились еще двое, но одного убил Захария, а мальчик развернулся и сшиб второго. Когда он изогнулся в воздухе, то был похож не на тени (как вампиры), а на свет.

Мальчик приземлился на палубу, широко расставив ноги и вращая посохом, и засмеялся. Но это был не милый детский смех, а дикий, неистовый хохот, заглушавший шум моря, вой ветра, голоса Безмолвных Братьев – юный, уверенный, радостный и немного безумный.

Совсем недавно Брат Захария заметил, что смех он слышит нечасто. Однако думать, сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз слышал такой смех, было невыносимо.

Он ударил кинжалом оборотня, а потом еще одного, бросившись между мальчиком и волками. Один прорвался мимо и прыгнул на мальчика, и Захария услышал, как тот тихо вскрикнул сквозь стиснутые зубы.

Ты в порядке? – спросил он.

– Да! – выкрикнул мальчик. Брат Захария слышал его тяжелое дыхание у себя за спиной.

Ничего не бойся, сказал брат Захария. Я сражаюсь вместе с тобой.

Кровь Захарии была холоднее моря, и сердце его оглушительно колотилось, пока он не услышал, что на помощь к ним идут Роберт Лайтвуд и Лили.

Как только сопротивление оборотней было подавлено, Роберт увел Джонатана на мостик. Захария вновь обратил внимание на вампиров. Рафаэль снял куртку. Оторвав кусок своей рубашки, Лили перевязывала ему руку и плакала.

– Рафаэль! – восклицала она. – Рафаэль, не надо было тебе этого делать!

– Что хуже: рана, которая заживет за ночь, или потеря ценного члена клана? – спросил Рафаэль. – Я действовал в своих интересах. Я всегда так поступаю.

– Хочется верить, – пробормотала Лили, сердито утирая слезы тыльной стороной руки. – Что бы я делала, если бы с тобой что-нибудь случилось?

– Надеюсь, что-нибудь полезное, – сказал Рафаэль. – Пожалуйста, в следующий раз оторви ткань для перевязки с одежды кого-нибудь из дохлых оборотней. Их тут навалом. И прекрати плакать и позорить клан перед Сумеречными охотниками.

Лили проследила за взглядом Рафаэля – тот смотрел ей за спину, на Брата Захарию. Ее тушь потекла и смешалась с кровью, но вампирша бодро улыбнулась Захарии, показав все клыки.

– Может, я решила порвать рубашку ради нашего Брата Смотри-Какая-Красотария.

Рафаэль закатил глаза. И поскольку он на нее не смотрел, Лили могла теперь посмотреть на него. Брат Захария заметил, как она подняла руку с ногтями, накрашенными красным и золотым, и потянулась к кудрям Рафаэля, словно хотела коснуться теней над его головой, – но тут же сжала ее в кулак. Такой роскоши вампирша себе не позволила.

Рафаэль жестом отогнал ее и встал.

– Идем. Нужно найти инь-фэнь.

Это было несложно. Инь-фэнь оказался в большом ящике в одной из кают на нижней палубе. Лили и Брат Захария вдвоем вынесли ящик наверх: Лили явно готова была закатить сцену, если бы Рафаэль только попытался помочь.

Даже спустя столько лет при виде инь-фэня, мерцающего в лунном свете, у Брата Захарии скрутило желудок, будто само это зрелище перенесло его на лодку в ином, далеком море – туда, где он бы ни за что не удержался.

Лили подошла к борту, собираясь перевалить через него ящик, чтобы тот канул в голодных волнах.

– Лили, нет! – крикнул Рафаэль. – Еще не хватало, чтобы реки моего города кишели русалками под наркотой! А потом в канализации станут находить светящихся серебром аллигаторов. Никто, конечно, не удивится, но я-то буду знать, что это все из-да тебя, и буду очень, очень в тебе разочарован.

– Вот никогда ты не даешь мне повеселиться, – проворчала Лили.

– Я никому не даю повеселиться, – сказал Рафаэль, и вид у него при этом был исключительно самодовольный.

Брат Захария уставился в ящик, полный серебристого порошка. Когда-то в нем заключалась для него вся разница между быстрой и медленной смертью. Он зажег огонь с помощью руны, известной только Безмолвным Братьям, и предназначенной выжигать разрушительную магию. Жизнь и смерть обернулись пеплом, летящим по ветру.

Спасибо, что сообщили мне про инь-фэнь, сказал он Рафаэлю.

– Ну, я воспользовался вашей слабостью, – сказал Рафаэль. – Как я понимаю, вы сами когда-то употребляли это зелье, чтобы не умереть. Вижу, это не помогло. Но до ваших переживаний мне нет дела, а мой город в безопасности. Миссия завершена успешно.

Он вытер руки, сияющие серебром и кровью над бьющимися о борт волнами.

А ваш предводитель знает об этой миссии? – спросил Захария, обращаясь к Лили.

Она посмотрела на Рафаэля.

– Естественно, – сказала она. – Он вам все о ней и рассказал. Разве нет?

– Лили! Это глупость – и измена, – голос Рафаэля был холоден, как морской бриз. – Если бы мне приказали тебя за это казнить, я бы так и поступил, и без малейших колебаний.

Лили закусила губу, пытаясь скрыть, как ей на самом деле больно это слышать.

– Ну, по поводу брата Прокатись-на-Моем-Жеребцарии можно не беспокоиться. Он никому не скажет.

– А найдется здесь место, где вампир мог был спокойно перележать день? – спросил Рафаэль.

Брат Захария не заметил, что схватка с оборотнями затянулась, и солнце вот-вот взойдет. Рафаэль бросил на него сердитый взгляд, когда он промолчал.

– Что, место есть только на одного? Тогда это для Лили. Я за нее отвечаю.

Лили отвернулась, чтобы Рафаэль не видел выражения ее лица, но Захария увидел. Он знал это выражение по тем временам, когда сам еще был способен чувствовать подобное, – любовь, которая была настолько сильна, что причиняла боль.

В грузовом трюме нашлось место для обоих вампиров. Направляясь туда, Лили чуть не споткнулась о мертвую Сумеречную охотницу.

– О-ой, Рафаэль! – весело воскликнула она. – Это же Кэтрин Эшдаун!

Брата Захарию словно обдало холодными брызгами морской воды – так неподдельно безразлична была Лили к человеческой жизни. Затем она запоздало вспомнила о его присутствии.

– О нет, – прибавила она не слишком убедительным тоном. – Какая бессмысленная трагедия.

– Иди в трюм, Лили, – приказал Рафаэль.

А вы? – спросил Брат Захария.

– Я буду оставаться здесь столько, сколько смогу, чтобы испытать себя, – сказал Рафаэль.

Лили вздохнула.

– Он – католик. Очень католический католик.

Пальцы ее нервно сжимались и разжимались снова, словно ей хотелось схватить Рафаэля и потащить за собой. Но она лишь слабо помахала Захарии – так же, как при первой встрече.

– Брат Кубики-на-Животарии, – сказала она. – Приятно было с вами познакомиться.

Взаимно, ответил Брат Захария, и она вприпрыжку спустилась по лестнице в трюм.

Что ж, она хотя бы сказала, как звали эту женщину, и Брат Захария мог отнести тело ее родным, а потом забрать его в Город Костей, где она обретет покой – в отличие от него самого.

Он опустился на колени рядом с покойницей и закрыл ей глаза, невидяще смотревшие в небо.

Ave atque vale[2 - «Здравствуй и прощай» (лат.).], Кэтрин Эшдаун, пробормотал он.

Поднявшись, он обнаружил, что Рафаэль все еще стоит рядом – хоть и не смотрит ни на него, ни на мертвую Охотницу. Рафаэль глядел на черное море, тронутое лунным светом, и на черное небо с тончайшей серебристой линией по краю.

Рад знакомству с вами обоими, прибавил Брат Захария.

– Представить себе не могу, с чего бы, – сказал Рафаэль. – Все эти клички, которые выдумывала Лили, были очень обидными.

Люди нечасто шутят с Безмолвными Братьями.

Рафаэль, видимо, представил, каково это – когда никто не смеет шутить рядом с тобой, – и вид у него стал мечтательный.

– Должно быть, приятно быть Безмолвным Братом. Ну, если не учитывать, что Сумеречные охотники – жалкие ничтожества. Кстати, я не уверен, что Лили шутит. В следующий раз, как будете в Нью-Йорке, я бы на вашем месте смотрел в оба.

Разумеется, она шутит, сказал Брат Захария. Она влюблена в вас.

Лицо Рафаэля дернулось.

– И почему Сумеречным охотникам всегда хочется поговорить о чувствах? Почему никто и никогда не проявляет профессионализм? К вашему сведению, меня не интересуют романтические отношения – ни с кем и никогда. А теперь не могли бы вы оставить эту неприятную тему?

Мог бы, сказал Брат Захария. Может, вы хотели бы поговорить о банде мальчишек, которую, по вашим словам, вы перебили?

– Я много кого убил, – невозмутимо ответил Рафаэль.

Группу детей? – спросил Захария. – В своем городе? Это было в пятидесятых?

Мариза Лайтвуд, может быть, и обманулась. Но Брат Захария знал, на что похож человек, который винит и ненавидит себя за то, что случилось с его любимыми.

– На улицах, где играли мои братья, был вампир, который охотился на детей, – все так же спокойно произнес Рафаэль. – Мы пошли к нему в логово, чтобы остановить его. Никто из нас не выжил.

Брат Захария постарался ответить помягче.

Новорожденный вампир не в силах себя контролировать.

– Я был главным, – сказал Рафаэль, и сталь в его голосе не допускала возражений. – Я был в ответе. Ну, мы остановили вампира, а мои родные выжили, чтобы вырасти.

Все, кроме одного.

– Я, как правило, добиваюсь того, чего хочу, – сказал Рафаэль.

Это я понял, сказал Брат Захария.

Он прислушивался к шуму волн, бьющихся о борт корабля, уносившего их к городу. В ночь, Базара он был отрешен от города и всех его жителей, и уж, конечно, ничего не чувствовал к вампиру, который сам твердо решил ничего не чувствовать.

Но затем раздался смех, и этот звук разбудил внутри Брата Захарии все, что, как он боялся, уже погибло. И теперь, пробудившись для мира, Захария больше не собирался закрывать глаза.

Сегодня вы спасли людей. Сумеречные охотники тоже их спасали. Хотя не спасли вас, когда вы были ребенком и пытались сражаться с чудовищами.

Рафаэль вздрогнул, словно предположение о том, за что именно он не любит Сумеречных охотников, было назойливой мухой, которую следовало прогнать.

– Спасены лишь немногие, – сказал Рафаэль. – Судьба не пощадила почти никого. Кое-кто однажды попытался спасти меня, и когда-нибудь я с ним расплачусь. Не желаю иметь долгов и никому не позволяю оставаться в долгу передо мной. Все мы получили, что хотели. Между мной и Сумеречными охотниками все кончено.

Всегда может снова понадобиться помощь или сотрудничество, сказал Брат Захария. Лайтвуды стараются. Подумайте, быть может, стоит сообщить другим обитателям Нижнего мира, что вы имели с ними дело – и выжили.

Рафаэль хмыкнул.

Видов любви больше, чем звезд, сказал Брат Захария. Возможно, вы не чувствуете одного из них, но есть еще немало других. Вы ведь знаете, каково это – любить родных и друзей. То, что для нас свято, хранит нас. Подумайте о том, что, пытаясь защититься от боли, вы захлопываете перед любовью дверь и живете в темноте.

Рафаэль, пошатываясь, подошел к поручню и притворился, будто его стошнило за борт. Потом выпрямился.

– Ой, погодите, я же вампир, а нас не укачивает, – усмехнулся он. – Но на секунду меня затошнило. Понятия не имею, с чего бы. Я слышал, что Безмолвные Братья замкнуты в себе. И очень на это надеялся!

Я не типичный Безмолвный Брат, заметил Брат Захария.

– Значит, мне повезло нарваться на единственного Безмолвного Брата с чувствительным сердцем? Можно в будущем мне обращаться к кому-нибудь другому?

Значит, вы думаете, что, возможно, наступит время, когда ваш путь опять пересечется с Сумеречными охотниками?

Рафаэль раздраженно фыркнул и отвернулся от моря. Его лицо было смертельно бледным, льдисто-белым, как лунный свет, как щека давно умершего ребенка.

– Я пошел на нижнюю палубу. Если, конечно, у вас нет других блестящих предложений.

Брат Захария кивнул. Тень его капюшона упала на крестообразный шрам на горле вампира.

Продолжайте верить, Рафаэль. Знаю – вы помните, как это.

Когда вампиры были надежно укрыты внизу, а Роберт Лайтвуд повел корабль в сторону Манхэттена, Брат Захария принялся наводить порядок на палубе, убирая мертвые тела. Хотелось бы ему позвать Братьев помочь ему. И помочь выжившим, которых пока заперли в одной из кают! Енох и другие, возможно, и не одобряли его решения помочь Рафаэлю, но все равно исполнили бы свой долг – хранить Сумеречный мир в безопасности и тайне.

Когда Брат Захария покончил с уборкой, оставалось только ждать, пока корабль доставит их в город. А там ему придется вернуться к себе, в Город Костей. Он сел и стал ждать, наслаждаясь светом нового дня.

Много времени прошло с тех пор, как он чувствовал свет, и еще больше – с того времени, когда он мог по-настоящему наслаждаться этим простым удовольствием.

Он сидел недалеко от мостика, где в утреннем свете видел Роберта и юного Джонатана Вейланда.

– Ты уверен, что в порядке? – спросил Роберт.

– Да, – сказал Джонатан.

– Ты не очень-то похож на Майкла, – неловко прибавил Роберт.

– Да, – кивнул Джонатан. – Всегда об этом жалел.

Худенькая спина мальчика напряглась – он был готов, что станет для Роберта разочарованием.

Роберт сказал:

– Я уверен, ты хороший мальчик.

Джонатан вовсе не выглядел в этом уверенным. Пытаясь избежать очередной неловкости, Роберт сделал вид, что изучает пульт управления.

Мальчик покинул мостик – изящно, несмотря на качку и на усталость, которая наверняка его одолевала. И, как ни странно, направился не в каюту, а туда, где сидел Захария.

Брат Захария натянул капюшон на лицо. Некоторым Сумеречным охотникам становилось не по себе при виде Безмолвного Брата, который выглядел не совсем так, как остальные, – не говоря уже о том, что Безмолвные Братья вообще выглядят довольно жутко. Так или иначе, он не хотел расстраивать мальчика.

Джонатан принес Брату Захарии посох. Держа его на вытянутых руках, мальчик с поклоном положил оружие на колени владельцу. Он двигался с военной выправкой, необычной для столь юного существа – даже для Сумеречного охотника. Брат Захария не знал Майкла Вейланда, но догадался, что тот наверняка был человеком суровым.

– Брат Енох? – попробовал угадать мальчик.

Нет, сказал Брат Захария. Он знал воспоминания Еноха как свои. Енох обследовал мальчика, хотя его воспоминания об этом были серыми от равнодушия. Брат Захария на миг пожалел, что в свое время не ему пришлось иметь дело с этим ребенком.

– Нет, – медленно повторил мальчик. – Я должен был догадаться. Вы двигались по-другому. Я просто подумал, что, может, это он, раз вы дали мне посох.

Он склонил голову. Захария вдруг испытал жалость при мысли о том, что этот ребенок не ждет от незнакомцев даже ничтожной милости.

– Спасибо, что разрешили мне им воспользоваться, – прибавил Джонатан.

Рад, что он оказался полезен, ответил Брат Захария.

Ответный взгляд мальчика поразил его – огонь двух солнц во тьме еще не рассеявшейся ночи. Это были глаза не солдата, но воина. Брат Захария знавал и тех, и других, и понимал разницу.

Мальчик отступил на шаг – быстро и нервно, а затем остановился, высоко подняв подбородок. Судя по всему, у него был вопрос.

– А что значат инициалы у вас на посохе? У всех Безмолвных Братьев такие?

Такого вопроса Захария не ожидал. Они оба посмотрели на посох. Буквы стерлись от времени, но были вырезаны глубоко, точно на тех местах, где Захария в бою брался за посох руками. Так что в каком-то смысле они по-прежнему всегда сражались вместе.

Это были буквы «У» и «Э».

Нет, сказал брат Захария. Такие только у меня. Я вырезал их в свою первую ночь в Городе Костей.

– Это были ваши инициалы? – спросил мальчик тихо и немного робко. – Когда вы еще были Сумеречным охотником, как я?

Брат Захария до сих пор считал себя Сумеречным охотником, но Джонатан сказал это без задней мысли.

Нет, сказал Джем, потому что он всегда был Джеймсом Карстерсом, когда говорил о том, что ему всего дороже. Не мои. Моего парабатая.

«У» и «Э». Уильям Эрондейл. Уилл.

Мальчик, казалось, был потрясен, но и насторожился. Он будто постоянно ждал подвоха, будто подозревал обман еще до того, как Захария что-то скажет.

– Мой отец говорит… говорил… что парабатай может стать твоей ужасной слабостью.

Слово «слабость» Джонатан произнес с ужасом. Интересно, подумал Захария, что мог считать слабостью человек, так вымуштровавший своего сына?

Брат Захария не хотел оскорбить покойного отца этого мальчика, поэтому он тщательно обдумал ответ. Мальчик был таким одиноким! Он помнил, какой драгоценной могла оказаться новая связь – особенно когда других у тебя не было. Это могло стать последним мостиком между тобой и утраченной жизнью.

Он вспомнил, как плыл за моря, потеряв всю семью. Не зная, что плывет к лучшему другу.

Полагаю, они могут быть и слабостью, ответил он. Зависит от того, кто именно твой парабатай. Я вырезал здесь его инициалы потому, что рука об руку с ним я всегда сражался лучше всего.

Джонатан Вейланд, ребенок, сражавшийся как ангел-воитель, явно был заинтригован.

– Я думаю… мой отец жалел, что у него был парабатай, – сказал он. – А теперь мне придется жить у него. Я не хочу быть слабым, и не хочу ни о чем жалеть. Я хочу быть лучшим.

Если будешь притворяться, что ничего не чувствуешь, притворство может стать правдой, сказал Джем. Это было бы прискорбно.

Какое-то время его парабатай пытался ничего не чувствовать. Кроме того, что чувствовал к Джему. Это едва его не уничтожило. И каждый день Джем притворялся, будто что-то чувствует, будто он добр, будто исправляет сломанное, помнит почти забытые имена и голоса, и надеялся, что это станет

правдой.

Мальчик нахмурился.

– Почему прискорбно?

Отважней всего мы сражаемся, когда защищаем то, что нам дороже жизни, ответил Джем. Парабатай – это и щит, и клинок. Вам предначертано быть вместе. И вы принадлежите друг другу не потому, что одинаковые, а потому, что ваши различия дополняют друг друга и составляют вместе нечто большее – лучшего воина для высшей цели. Я всегда верил, что вместе мы не просто добиваемся лучшего, но становимся лучше всего, чем могли бы стать по отдельности.

На лице мальчика появилась улыбка, словно рассвет, внезапно и ярко вспыхнувший над водой.

– Я не против, – произнес Джонатан Вейланд и быстро добавил: – Я имею в виду, стать великим воином.

Он вздернул нос, изображая надменность: а то Джем, чего доброго, еще подумает, что он не против кому-нибудь принадлежать.

Что за мальчик! Больше хочет сражаться, чем обрести семью. И эти Лайтвуды – ждут подвоха от вампира, а могли бы оказать ему хоть какое-то доверие. И вампир, отталкивающий от себя друзей. Все они были когда-то ранены, но Брат Захария не мог на них не сердиться – хотя бы за дарованную им роскошь испытывать душевную боль.

Эти люди изо всех сил старались не чувствовать, пытались заморозить сердце у себя в груди, пока они не заледенеет окончательно и не треснет. А Джем отдал бы все свои холодные завтра за один-единственный день, когда его сердце снова было бы горячим, чтобы вновь полюбить так, как он когда-то любил.

Только вот Джонатан был ребенком, до сих пор пытавшимся добиться того, чтобы равнодушный отец им гордился, – даже после того, как смерть сделала это невозможным. Так что Джему следует проявить доброту.

Он подумал о том, как ловок и быстр этот мальчик, как бесстрашно он сражался незнакомым оружием в странной и кровавой ночи.

Уверен, ты будешь великим воином, сказал Джем.

Джонатан Вейланд склонил лохматую золотую голову, чтобы скрыть выступивший на щеках слабый румянец.

Одиночество мальчика слишком живо напомнило Джему ту ночь, когда он вырезал у себя на посохе эти инициалы – долгую, холодную ночь, когда чувствовать ледяную отчужденность Безмолвных Братьев у себя в голове было ему еще внове. Он не хотел умирать, но предпочел бы смерть жуткой изоляции от любви и тепла. Если бы только он мог умереть в объятиях Тессы, держа Уилла за руку… У него украли его собственную смерть.

Среди костей и бесконечной тьмы невозможно было остаться хоть сколько-нибудь похожим на человека.

Когда голоса Безмолвных Братьев должны были вот-вот поглотить все, чем он был, Джем изо всех сил вцепился в нити своей жизни. Прочнее этой среди них не было. Имя его парабатая стало криком, обращенным в бездну, зовом, на который всегда приходил ответ. Даже в Безмолвном Городе, даже в немом вое, утверждавшем, что жизнь Джема – больше ему не принадлежит, что она общая. Это больше не мои мысли это наши мысли. Это больше не моя воля, это наша воля.

Но было нечто, что он не желал делить ни с кем. Мой Уилл. Эти слова значили для Джема не то же самое, что для всех остальных. Это был вызов наступающей тьме. Мой бунт. Навсегда – мой.

Джонатан повозил ботинком по палубе и снизу вверх посмотрел на Джема. Тот понял, что он пытается рассмотреть под капюшоном лицо Брата Захарии. Джем надвинул капюшон, и тени под ним стали плотнее. Несмотря на это, Джонатан робко ему улыбнулся.

Джем не ожидал такой доброты от этого раненого ребенка. И она заставила Брата Захарию подумать, что Джонатан Вейланд, возможно, станет чем-то большим, чем великий воин.

Возможно, когда-нибудь у Джонатана появится парабатай, который поможет ему понять, кем именно он хочет стать.

Эта связь сильнее всякой магии, говорил себе Джем той ночью, сидя с ножом в руке и вырезая буквы на посохе. Эту связь я выбрал сам.

И он не смог – не пожелал – от нее отречься. Он взял имя «Захария», что означало «помнить». Помни его, приказал себе Джем. Помни их. Помни, почему. Помни единственный ответ на единственный вопрос. Не забывай.

Когда он вновь поднял глаза, Джонатан Вейланд уже ушел. Брат Захария пожалел, что не смог поблагодарить его – за то, что мальчик помог ему вспомнить.

* * *

Изабель никогда прежде не бывала в пассажирском терминале нью-йоркского порта, и он ее не слишком впечатлил. Терминал выглядел, как змея из стекла и металла, в брюхе которой им пришлось сидеть и ждать. Корабли были похожи на какие-то сараи на воде, а Изабель-то воображала, что из Идриса придет настоящий прекрасный корабль, вроде тех, на которых ходили пираты.

Когда они проснулись, было еще темно, а теперь едва-едва рассвело – и было очень холодно. Алек съежился в толстовке с капюшоном под ветром с синей воды, а Макс, капризничавший из-за раннего подъема, требовал внимания матери. Собственно, оба ее брата капризничали, и Изабель не знала, чего ждать.

Она увидела, как по трапу сходит ее отец, а рядом с ним мальчик. Рассвет прочертил над водой тонкую золотую линию. Ветер нахлобучил на речные волны белые капюшончики и играл с золотыми локонами мальчика. Спина у того была прямая и узкая, как рапира. Темная, облегающая одежда выглядела почти как доспехи. А на одежде виднелась кровь. Он и в самом деле был в бою! А мама с папой им с Алеком не позволяли сражаться даже с крошечными демонами!

Изабель обернулась к Алеку, уверенная, что тот разделяет ее возмущение по поводу такой несправедливости, и обнаружила, что тот во все глаза таращится

на мальчика, словно с благоговением созерцает наступающее утро.

– Ого! – выдохнул Алек.

– А как же вампир? – возмутилась Изабель.

– Какой вампир? – рассеянно спросил Алек.

Мама шикнула на них.

У Джонатана Вейланда оказались золотые волосы и золотые глаза – и в этих глазах не было глубины. Это была сияющая, отражающая поверхность, показывавшая так мало, словно это были наглухо захлопнувшиеся двери храма. Остановившись перед Алеком с Изабель, он даже не улыбнулся.

«Верните лучше того Безмолвного Брата», – вот что почувствовала Изабель.

Она поглядела на маму, но та со странным выражением лица разглядывала мальчика.

Тот смотрел на нее в ответ.

– Я – Джонатан, – сказал он ей.

– Привет, Джонатан, – сказала мать Изабель. – Я – Мариза. Рада с тобой познакомиться.

Она протянула руку и коснулась его волос. Джонатан вздрогнул, но заставил себя не отшатнуться, и Мариза пригладила растрепанные ветром золотые кудри.

– Думаю, тебя пора подстричь, – сказала мама.

Это было настолько в ее духе, что Изабель улыбнулась и закатила глаза. Вообще-то Джонатана и правда не помешало бы подстричь. Его волосы спускались ниже воротника и были такими неровными, словно тот, кто стриг их в последний раз (очень давно!) не особенно старался. Что-то в Джонатане было

от бездомного животного, в любой момент готового вздыбить шерсть на загривке и показать зубы. Хотя, казалось бы, откуда в ребенке взяться такому?

– Станешь еще красивей, – подмигнула мама.

– А разве это возможно? – сухо спросил Джонатан.

Алек рассмеялся. Джонатан удивился, словно до сих пор он Алека и не замечал. Изабель решила, что он вряд ли заметил кого-то, кроме ее матери.

– Дети, поздоровайтесь с Джонатаном, – велел папа Изабель.

Макс в восхищении уставился на Джонатана, уронил плюшевого кролика на бетонный пол, просеменил вперед и обхватил Джонатана за ногу. Тот снова вздрогнул, хотя на этот раз это больше было похоже на попытку защититься. Видимо, этот гений не сразу осознал, что трехлетний ребенок на него вовсе не нападает.

– Привет, Джонатан, – несколько невнятно произнес Макс, уткнувшись его в штанину.

Джонатан нерешительно похлопал Макса по спине.

Братской солидарности с Джонатаном братья Изабель совершенно даже не пахло. Когда они вернулись домой и принялись за неловкую светскую беседу – хотя на самом деле все хотели лишь снова отправиться спать – стало еще хуже.

– Джонатан может спать у меня в комнате, потому что мы друг друга любим, – предложил Макс.

– У Джонатана есть своя комната. Скажи Джонатану: «Спокойной ночи», – велела Мариза. – А когда мы все немножко отдохнем, сможешь снова его увидеть.

Изабель же направилась в свою комнату, но она все еще гудела от возбуждения и никак не могла уснуть. Она как раз красила ногти на ногах, когда до нее донесся тихий скрип двери ниже по коридору.

Изабель подскочила – ногти на одной ноге были накрашены черным с блестками лаком, а другая так и осталась в пушистом розовом носке – и бросилась к двери. Она приоткрыла ее на узенькую щелочку, высунула голову в коридор и увидела Алека, который точно так же выглядывал из своей комнаты. Оба они смотрели, как Джонатан Вейланд крадется по коридору. Изабель разразилась сложным набором жестов, чтобы узнать, не хочет ли Алек проследить за ним вместе с ней.

Алек таращился на нее в полном недоумении. Изабель любила старшего брата, но порой впадала в полное уныние, думая о предстоящей им когда-нибудь в будущем совместной охоте на демонов. Алек был не в состоянии запомнить ее крутые, по-военному четкие сигналы.

Изабель сдалась, и оба они поспешили вслед за Джонатаном, который не был знаком с планировкой Института, и поэтому мог только вернуться по собственным следам в кухню.

Там они его и нашли. Задрав рубашку, Джонатан промокал мокрым полотенцем красный порез на боку.

– Ангел помилуй! – ахнул Алек. – Ты ранен! Почему ты не сказал?

Изабель стукнула Алека по руке: своим возгласом он их выдал.

Джонатан виновато посмотрел на них: как будто его застали за воровством печенья из банки.

– Только не говорите своим родителям, – сказал он.

Алек бросил Изабель и подбежал к Джонатану. Он осмотрел порез, затем подвел Джонатана к стулу и заставил сесть. Изабель вовсе не удивилась. Стоило ей или Максу упасть, как Алек начинал суетиться.

– Рана неглубокая, – немного погодя сказал Алек, – но вообще-то родителям стоило бы сказать. Мама может наложить ираци – или что-нибудь еще…

– Нет! – запротестовал Джонатан. – Вашим родителям лучше вообще не знать, что так вышло. Мне просто не повезло, что один из них меня достал. Я – хороший

боец.

Он говорил с такой страстью, что это почти пугало. Не будь ему всего десять лет, Изабель подумала бы, что он боится, как бы его не отослали прочь, сочтя негодным солдатом.

– Видно же, что ты крутой, – возразил Алек. – Просто нужно, чтобы кто-то прикрывал тебе спину.

Говоря это, он положил руку на плечо Джонатану. Это был скромный жест, которого сама Изабель даже не заметила бы. Вот только она никогда еще не видела, чтобы Алек так тянулся к кому-нибудь, кроме родных, – а Джонатан Вейланд в этот миг замер как вкопанный, словно боялся спугнуть его.

– Очень больно? – сочувственно спросил Алек.

– Нет, – прошептал Джонатан Вейланд.

Изабель подумала, что если бы Джонатану Вейланду отрубило ногу, он и тогда сказал бы, что ему не больно; но Алек был наивен.

– Ну, ладно, – сказал ее брат, ободряюще кивнув раненому. – Я сейчас кое-что принесу из лазарета. Разберемся с этим сами.

Он отправился за перевязочными материалами, оставив Изабель и странного истекающего кровью мальчика вдвоем.

– Вы с братом, кажется… очень близки, – заметил Джонатан.

Изабель заморгала.

– Ну, конечно.

Тоже мне новость – а кто не близок со своими братьями? Но Изабель воздержалась от сарказма, поскольку Джонатан был гостем, и, к тому же, раненым.

– Так, значит… вы станете парабатаями? – рискнул спросить Джонатан.

– Ой, нет, не думаю, – покачала головой Изабель. – Парабатаи – это немножко старомодно, разве нет? К тому же, мне не нравится, что для этого нужно пожертвовать своей независимостью. Я прежде всего принадлежу себе, и только во вторую очередь я дочь своих родителей и сестра своих братьев. Я и так уже много кому кто. И не хочу никому быть кем-то еще – во всяком случае, надолго. Понимаешь?

Джонатан улыбнулся. Один зуб у него был сколот. «Интересно, как это случилось?», – подумала Изабель. И тут же подумала, что зуб ему откололи в какой-нибудь эпической драке.

– Не знаю, – ответил Джонатан на ее вопрос. – Я-то никому никто.

Изабель закусила губу. До сих пор она не осознавала, что принимает чувство защищенности как должное.

Пока Джонатан говорил, он смотрел на Изабель, но стоило разговору прерваться, как он снова уставился на дверь, за которой исчез Алек.

Изабель не могла не отметить, что Джонатан Вейланд провел у них в доме меньше трех часов, но уже явно пытается подыскать парабатая.

Затем он раскинулся на стуле с прежним видом «я-слишком-крут-для-вашего-Института», и раздраженная его позерством Изабель забыла об этой мысли. Только ей, Изабель, позволено быть позером в этом Институте.

Они с Джонатаном играли в гляделки, пока не вернулся Алек.

– Ой… тебе как лучше, чтобы я тебя перевязал? Или хочешь сам?

Лицо Джонатана оставалось непроницаемым.

– Я сам могу. Ничего мне не нужно.

– Ой, – с несчастным видом сказал Алек.

Изабель не могла понять, чем объясняется это деланое безразличие Джонатана – желанием оттолкнуть их или стремлением защититься. Но он был ранен. Алек все еще стеснялся чужих, а Джонатан явно был человеком замкнутым, так что между ними будет одна сплошная неловкость, хотя Изабель уже видела, что на самом деле они друг другу понравились. Она вздохнула. Мальчики – это нечто. Придется взять ситуацию в свои руки.

– Сиди смирно, идиот, – велела она Джонатану, выхватила у Алека мазь и принялась наносить ее на рану. – Побуду ангелом милосердия.

– Э-э-э… – протянул Алек. – Кажется, многовато мази…

Действительно, все выглядело так, как будто кто-то слишком сильно сжал середину тюбика с зубной пастой. Но Изабель считала, что если боишься запачкать руки, результатов не жди.

– Все нормально, – быстро сказал Джонатан. – В самый раз. Спасибо, Изабель.

Изабель подняла глаза и усмехнулась. Алек быстро размотал бинт. Заметив, что мальчики вышли из ступора, Изабель отступила. Родители не обрадуются, если она нечаянно превратит их гостя в мумию.

– Что тут происходит? – раздался в дверях голос Роберта Лайтвуда. – Джонатан! Ты же сказал, что не ранен!

Обернувшись, Изабель увидела на пороге кухни и маму, и папу – руки сложены на груди, глаза прищурены. Она предположила, что у родителей имеются возражения против того, чтобы они с Алеком играли с новичком в доктора. И возражения весьма серьезные.

– Да мы просто слегка его подлатали, – встревоженно объяснил Алек, загораживая от них стул, на котором сидел Джонатан. – Так, пустяки.

– Я сам виноват, что меня ранили, – сказал Джонатан. – Я знаю: оправдания – это непрофессионально. Такого больше не повторится.

– Не повторится? – переспросила мать. – Все время от времени получают ранения. Что, собираешься сбежать в Безмолвные Братья?

Джонатан пожал плечами.

– Я хотел вступить в Железные Сестры, но они прислали мне отказ – обидный и сексистский.

Все рассмеялись. Секундный испуг на лице Джонатана сменился радостью, но в следующий миг все его чувства снова исчезли под маской безразличия, словно захлопнулась крышка на сундуке с сокровищами. Мать Изабель занялась раной Джонатана, отец остался у двери.

– Джонатан… – пробормотала Мариза. – Кто-нибудь вообще зовет тебя по-другому?

– Нет, – сказал Джонатан. – Отец обычно шутил, что заведет себе другого Джонатана, если я не справлюсь.

Изабель подумала, что, возможно, это не было шуткой.

– Мне вот кажется, что называть ребенка-нефилима Джонатаном – все равно что назвать ребенка-простеца Джебедайей, – заметила мать Изабель.

– Джоном, – поправил отец. – Простецы часто называют своих детей Джонами.

– Что, правда? – Мариза пожала плечами. – А я была уверена, что Джебедайями.

– Второе имя у меня – Кристофер, – сказал Джонатан. – Можете… можете звать меня Кристофером, если хотите.

Мариза и Изабель обменялись красноречивыми взглядами. Они всегда умели так общаться. Изабель думала, это потому, что они – единственные две женщины тут, и поэтому особенные друг для друга. Она представить себе не могла, чтобы мама сказала что-нибудь, чего ей не хотелось бы слышать.

– Мы не собираемся тебя переименовывать, – грустно промолвила мама.

Изабель не знала, что именно расстроило ее маму: то, что Джонатан подумал, будто они и вправду это сделают – дадут ему новое имя, как домашнему животному, – или то, что позволил бы им это.

Но что Изабель знала наверняка, так это то, что мать смотрела на Джонатана точно так же, как в свое время – на Макса, когда тот еще только учился ходить. А значит, об испытательном сроке разговоров больше нет. Джонатан остается.

– Но может быть, прозвище? – предложила Мариза. – Что скажешь насчет «Джейса»?

Джанатан помолчал, искоса, но внимательно глядя на Маризу. В конце концов он ей улыбнулся – улыбкой слабой и холодной, как первый утренний свет, но все больше теплеющей от надежды.

– Думаю, «Джейс» подойдет, – сказал Джонатан Вейланд.

* * *

Пока Джонатан знакомился с семьей, а вампиры, холодные, но свернувшиеся вместе в клубок, спали в трюме корабля, Брат Захария шагал по чужому для него городу. Спешившие мимо люди его не видели, но он замечал свет в их глазах, как будто он только что вспыхнул. Автомобильные гудки, визг шин и многоголосая болтовня на множестве языков сливались в длинную живую песню. Брат Захария не мог ее петь. Но мог слушать.

Это случалось с ним не в первый раз – когда в том, что есть, он видел след того, что когда-то было. Мальчик был совершенно другим. И не имел никакого отношения к Уиллу. Джем это знал. Джем (в те мгновения, когда он вспоминал Уилла, он всегда был Джемом) привык различать потерянного и самого дорогого его сердцу Сумеречного охотника в тысячах лиц и жестов других Охотников, в повороте головы или в звучании голоса. Не настоящее (единственное и навсегда утраченное) лицо; не настоящий (давно умолкший) голос, но порой, хотя все реже и реже, нечто похожее.

Его рука крепко сжимала посох. Уже много долгих холодных дней он не уделял резьбе под ладонью столько внимания.

Это чтобы я не забывал, во что верю. Если хоть какая-то его частица может остаться со мной, – а я верю, что может, – то он рядом. Ничто не в силах нас разлучить.

Он позволил себе улыбнуться. Он не мог разомкнуть губ, но все еще мог улыбаться. Он все еще мог говорить с Уиллом, хоть больше и не слышал ответа.

Жизнь – не корабль, уносящий нас на волнах жестокого, неустанного прилива прочь от всего, что мы любим. Ты не потерян для меня, ты не остался навсегда на недостижимом берегу. Жизнь – это колесо.

На реке он слышал русалок. Из искорок города к утру разгорался новый огонь. Рождался новый день.

Если жизнь – это колесо, она вновь принесет тебя ко мне. А я должен только не терять веры.

Даже когда иметь сердце казалось непереносимо трудно, все равно это было лучше, чем вовсе его не иметь. Даже когда Брату Захарии казалось, что он проигрывает борьбу и потеряет все, что у него было, оставалась еще надежда.

Порой мне кажется, что ты так далеко от меня, мой парабатай.

Отблески на воде ничего не стоили по сравнению с мимолетной улыбкой мальчика – и дикой, и испуганной одновременно. Это был ребенок, направлявшийся в новый дом, – точно так же, как Уилл и маленький Захария когда-то в печали и одиночестве отправлялись туда, где им суждено было обрести друг друга. Джем надеялся, что мальчик обретет счастье.

Джем улыбнулся в ответ – мальчику, которого давно уже не было на свете.

– Иногда, Уилл, – произнес он, – мне кажется, что ты совсем рядом.

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан. Длинные тени

Старые грехи отбрасывают длинные тени.

Английская пословица

Лондон, 1901 год

Железнодорожный виадук угрожающе нависал над зданием церкви Святого Спасителя. В свое время простецы всерьез обсуждали, не снести ли церковь, чтобы освободить место для будущей стройки, но эта идея встретила неожиданно яростное сопротивление. Так что железная дорога делала небольшую петлю, и шпиль церкви по-прежнему тянулся вверх, пронзая ночное небо серебристым кинжалом.

Под арками, крестовинами и грохочущими рельсами привычно раскинулся большой оживленный базар – вотчина городских торговцев. Ночью рынок принадлежал Нижнему миру.

Вампиры и оборотни, колдуны и фейри встречались под звездами и под покровом волшебства, куда не пробиться человеческому глазу. Они расставляли свои магические лотки на месте палаток, где днем торговали люди, под мостами и вдоль узких улочек. Но прилавки Сумеречного базара ломились не от яблок или репы. Под темными сводами они сияли колокольчиками и лентами, переливались яркими цветами: изумрудно-зеленым, кроваво-красным, огненно-рыжим. Брат Захария уловил горячий запах благовония и расслышал песни оборотней о призрачной красоте луны и призывные крики фейри, обращенные к детям.

Сумеречный базар открылся в первый раз после Нового года (по английскому календарю), хотя в Китае новый год еще не наступил. Брат Захария покинул Шанхай ребенком, в семнадцать лет уехал из Лондона, перебравшись в Безмолвный город, где о ходе времени напоминали лишь новые захоронения павших воинов. И все-таки новогодние праздники сохранились в памяти со времен его человеческой жизни: он до сих пор помнил эгг-ног[3 - Сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока; традиционный рождественский напиток в США, странах Латинской Америки и Европе. Здесь и далее прим.

переводчика.] и гадания в Лондоне, фейерверки и лунные пельмени в Шанхае.

Снег падал на Лондон. Воздух – хрустящий и холодный, как свежее яблоко – приятно обдувал лицо. Голоса братьев тихо звучали в голове, не мешая Захарии наслаждаться одиночеством.

Он прибыл сюда с миссией, но позволил себе порадоваться встрече с Лондоном и Сумеречным базаром, возможности подышать чистым воздухом, не отягощенным прахом погибших. Здесь веяло свободой, и он снова чувствовал себя молодым.

Он радовался, но это не означало, что обитатели Сумеречного базара радовались вместе с ним. Он видел, как нежить и даже простецы провожали его взглядами – далеко не дружелюбными. Мрачный шепот пробивался сквозь гул обычных разговоров.

Обитатели Нижнего мира считали Базар своим пространством, отвоеванным у ангелов. Вторжение Захарии явно не вызывало у них восторга. Захария принадлежал к Безмолвному Братству – отшельникам, поселившимся среди старых костей, посвятившим себя городу мертвых. Никто не горел желанием распахнуть свои объятия Безмолвному Брату, да и появление Сумеречного охотника вряд ли могло доставить кому-то удовольствие.

Пока он копался в своих сомнениях, перед ним открылось зрелище еще более странное. Чего-чего, а такого он никак не ожидал увидеть на Базаре.

Юный Сумеречный охотник отплясывал канкан с тремя фейри. Захария узнал в нем Мэтью – младшего сына Шарлотты и Генри Фэйрчайлдов. Он заливисто смеялся, запрокинув голову; белокурые волосы ловили отблески огней.

Брат Захария едва успел задаться вопросом, не околдован ли Мэтью, как мальчишка увидел его и рванул вперед, оставляя своих партнерш в полном замешательстве. Фейри не привыкли, чтобы смертные бросали их посреди танца.

Но Мэтью как будто даже не заметил их недовольства. Он подбежал к Захарии, обхватил его за шею и нырнул под капюшон Безмолвного Брата, чтобы поцеловать его в щеку.

– Дядя Джем! – радостно воскликнул Мэтью. – Что ты здесь делаешь?

Идрис, 1899 год

Мэтью Фэйрчайлд почти никогда не терял самообладания. Но если такое случалось, он старался сделать так, чтобы все запомнили это надолго.

Последний раз это произошло два года назад, во время недолгого пребывания Мэтью в Академии Сумеречных охотников – учебном заведении, где массово готовили образцовых зануд для борьбы с демонами. Все началось с незапланированной стычки с демоном в окрестном лесу, после которой толпа учеников собралась на верху башни и наблюдала за прибытием обеспокоенных родителей.

От обычного добродушия Мэтью не осталось и следа. Его лучшего друга, Джеймса, обвинили в случившемся – всего лишь потому, что тот носил в себе каплю демонической крови и обладал способностью (с точки зрения Мэтью – просто замечательной!) превращаться в тень. Джеймсу грозило исключение. А вот истинные виновники – подлый Аластер Карстерс и его гнилые дружки – опять вышли сухими из воды. Жизнь вообще и Академия в частности определенно возглавляли парад несправедливости.

Мэтью даже не представился случай спросить Джеймса, хочет ли тот быть парабатаем. Он как раз собирался предложить приятелю стать его братом по оружию, но хотел сделать это в такой необычной, запоминающейся манере, чтобы у Джеймса не возникло и мысли отказаться.

К воротам уже стремительно шагал мистер Эрондейл, отец Джеймса, прибывший одним из первых. С черными волосами, развевающимися от ветра и ярости, он, спору нет, выглядел очень внушительно.

Несколько девочек, допущенных в Академию, с любопытством поглядывали на Джеймса: даже с неудачной стрижкой и некоторой скованностью в манерах тот очень походил на своего отца. Но Джеймс, наивная душа, не замечал прикованного к нему внимания. Для вида уткнувшись в книгу, он неловко ерзал и тонул в черном отчаянии.

– Не приведи господи иметь такого отца, – поежился Юстас Ларкспир.

– Я слышал, он чокнутый, – хохотнул Аластер. – Еще бы, только ненормальный может жениться на кровью демонов и родить детей, которые…

– Не надо, – тихо попросил маленький Томас.

Ко всеобщему удивлению, Аластер закатил глаза и замолк.

Мэтью хотелось заткнуть рот Аластеру, но Томас уже это сделал, а Мэтью не мог себе представить, как заставить Аластера замолчать навсегда. Разве что вызвать его на дуэль? Впрочем, он сомневался, что это сработает. Аластер не был трусом: наверняка он примет вызов, но потом станет вдвое болтливее. Да и драки были не в стиле Мэтью. Он умел драться, но не думал, что насилие решает все проблемы.

Разумеется, к угрожающей всему миру проблеме демонов это не относилось.

Мэтью резко повернулся и двинулся вниз по лестнице.

Он бродил один по залам Академии, и на душе у него было скверно. И все же, несмотря на дурное настроение, он помнил, что ни в коем случае нельзя надолго упускать из виду Лайтвудов – Кристофера и Томаса.

Когда Мэтью было шесть лет, его старший брат, Чарльз Бьюфорд, отправился с мамой на собрание в лондонский Институт. Мама, Шарлотта Фэйрчарлд, была Консулом, то есть самой важной персоной в мире Сумеречных охотников, и Чарльз всегда интересовался ее работой, а потому не возмущался, что какие-то надоедливые нефилимы постоянно отнимают у нее время. Пока они собирались, Мэтью ревел в коридоре, вцепившись в подол маминого платья. Мама опустилась на колени и попросила Мэтью заботиться о папе, пока их с Чарльзом не будет.

Мэтью серьезно отнесся к возложенной на него ответственности. Папа, конечно, гений, но все считали его инвалидом, потому что он не мог ходить. Если за ним не присмотреть, он мог запросто забыть поесть, увлекшись своими изобретениями. Папа не мог обойтись без Мэтью – и тем более абсурдной

казалась затея отправить Мэтью в Академию.

Мэтью нравилось заботиться о людях, и у него это хорошо получалось. Когда им было по восемь лет, Кристофера Лайтвуда застукали в папиной лаборатории, где он проводил в высшей степени любопытный, как выразился папа, эксперимент. Мэтью тогда заметил, что в лаборатории исчезла стена, и взял Кристофера под свое крыло.

Кристофер и Томас – кузены по крови, потому что их отцы – родные братья. Мэтью не приходился им настоящим кузеном: он исключительно из вежливости называл их родителей тетей Сесили и дядей Габриэлем – ну и тетей Софи и дядей Гидеоном соответственно. Их родители дружили. У мамы не осталось никого из близких, а папина семья неодобрительно относилась к тому, что мама – Консул.

Джеймс доводился Кристоферу кровным кузеном, потому что тетя Сесили была родной сестрой мистера Эрондейла. Мистер Эрондейл руководил лондонским Институтом, и Эрондейлы вели замкнутый образ жизни. Злые языки называли их снобами, возомнившими, будто они выше других, но Шарлотта сказала, что так считают только невежественные люди. Она объяснила Мэтью, что Эрондейлы просто натерпелись от недоброжелателей из-за того, что миссис Эрондейл – чародейка.

И все-таки, управляя Институтом, трудно оставаться затворником. Мэтью и раньше встречал Джеймса на всяких праздниках и пытался подружиться с ним, но мешало то, что на вечеринках Мэтью всегда старался развлекать гостей, а Джеймс предпочитал сидеть в углу, уткнувшись в книжку.

Общительному Мэтью ничего не стоило завести друзей, но он не видел в этом смысла, если добыча сама шла в руки. Друзей, доставшихся легко, можно так же легко потерять, а Мэтью хотел крепкой и долгой дружбы.

Поначалу казалось, что Джеймс его невзлюбил, и Мэтью очень расстраивался, но в конце концов ему все-таки удалось завоевать расположение нелюдимого мальчишки. Он до сих пор не мог понять, как это получилось, и чувствовал себя неловко, но недавно Джеймс назвал себя, Мэтью, Кристофера и Томаса «тремя мушкетерами и д’Артаньяном», героями его любимой книги. Все складывалось неплохо, если не считать тоски по папе, но вот теперь Джеймса исключили из

Академии, и мир рухнул. Тем не менее, Мэтью не мог забыть про свои обязанности.

У Кристофера сложились в прямом смысле взрывные отношения с наукой, и после недавнего происшествия профессор Фелл наказал Мэтью следить за тем, чтобы Кристофер не контактировал с легковоспламеняющимися материалами. А Томас был настолько тихим и миниатюрным, что они постоянно теряли его из виду, а будучи предоставлен самому себе, он неизбежно тянулся к Аластеру Карстерсу.

Ситуация сложилась отвратительная, но одна светлая сторона в ней все-таки была. Найти потерявшегося Томаса не составляло никакого труда: достаточно было идти на мерзкий голос Аластера.

К сожалению, это означало, что придется увидеть и лицо Аластера – не менее мерзкое.

Мэтью разыскал Аластера довольно быстро: тот стоял у окна, а рядом застенчиво жался Томас.

Томас боготворил своего кумира, и это не поддавалось разумному объяснению. Единственное, что, по мнению Мэтью, могло вызывать в Аластере интерес, так это его необычайно выразительные брови, но, в конце концов, ведь не брови красят человека!

– Ты очень расстроен, Аластер? – расслышал Мэтью тихий голос Томаса, когда подошел ближе и навострил уши.

– Отстань, сопля, – огрызнулся Аластер, хотя и беззлобно. Даже он не мог устоять перед обожанием.

– Ты слышал этого подлого, коварного змея? – спросил Мэтью. – Пойдем отсюда, Том.

– А, наседка Фэйрчайлд, – усмехнулся Аластер. – Какой прекрасной женушкой ты станешь для кого-нибудь в недалеком будущем.

Мэтью пришел в ярость, заметив проблеск улыбки на лице Томаса, хотя тот быстро спрятал ее из уважения к чувствам Мэтью. Кроткому Томасу здорово доставалось от сестер, которые привыкли им командовать. Похоже, грубость Аластера он по ошибке принимал за смелость.

– Жаль, что не могу сказать того же о тебе, – парировал Мэтью. – Неужели ни одна добрая душа не намекнула тебе, что твоя прическа… как бы помягче выразиться… нелепа? Друг? Папа? Никого не волнует, что ты делаешь из себя посмешище? Или у тебя все время уходит на пакости ни в чем не повинным людям и тебе просто некогда обращать внимание на свой жалкий внешний вид?

– Мэтью! – остановил его Томас. – У него друг умер!

Мэтью так и подмывало заметить, что именно Аластер и его дружки натравили демона на Джеймса, и то, что их подлый розыгрыш пошел не по плану, лежит на их совести. Однако он подозревал, что это очень огорчит Томаса.

– Ладно, пойдем, – сказал он. – Хотя у меня из головы не идет: чья же это была идея?

– Погоди-ка, Фэйрчайлд, – рявкнул Аластер. – А ты иди пока, Лайтвуд.

Томас явно встревожился, но Мэтью знал, что тот не посмеет ослушаться своего идола. Когда кузен поднял на него светло-карие глаза, Мэтью кивнул, и Томас нехотя поплелся прочь.

Как только он скрылся из виду, Мэтью и Аластер приняли боевую стойку. Мэтью понимал, что Аластер намеренно отослал Томаса. Он закусил губу, приготовившись к драке.

Но Аластер не стал драться.

– Кто ты такой, чтобы строить из себя моралиста, рассуждать о розыгрышах и отцах, учитывая обстоятельства твоего рождения?

Мэтью нахмурился.

– О чем это ты, Карстерс?

– Все говорят о твоей маме и ее неженской профессии, – ответил этот червяк, Аластер Карстерс. Мэтью нахмурился, но Аластер продолжал, повысив голос. – Женщина не может быть хорошим Консулом. Тем не менее, никто не смеет возражать против этого открыто: ведь твою мать поддерживают могущественные Лайтвуды.

– Да, мы дружим семьями, – сказал Мэтью. – Тебе не знакомо такое понятие, как дружба, Карстерс? Тогда мне жаль тебя, потому что для всех остальных оно в порядке вещей.

Аластер вскинул брови.

– О, лучшие друзья, кто бы сомневался. Твоей маме, должно быть, нужны друзья, потому что какой из твоего папы мужчина?

– Прошу прощения? – переспросил Мэтью.

– Странно, что ты родился спустя столько времени после того, как с твоим отцом произошел этот несчастный случай. – Аластер подкрутил воображаемые усы. – Странно, что семья твоего отца не хочет иметь с тобой ничего общего и требует, чтобы твоя мать отказалась от фамилии мужа. И еще примечательно, что ты ни капли не похож на своего папу, а цвет волос у тебя такой же, как у Гидеона Лайтвуда.

Гидеон Лайтвуд был отцом Томаса. Не удивительно, что Аластер отослал Томаса, прежде чем выдвинуть такое нелепое обвинение.

Оно действительно казалось абсурдным. Да, правда, что Мэтью родился белокурым, в то время как у его мамы волосы каштановые, а у отца и Чарльза Бьюфорда – рыжие. Мама Мэтью была миниатюрной, но Кук уверяла, что Мэтью обгонит в росте Чарльза Бьюфорда. Дядя Гидеон часто сопровождал маму. Мэтью знал, что он вступался за нее, когда она конфликтовала с Клэйвом. Однажды мама назвала Гидеона своим хорошим и верным другом. Мэтью никогда особо не задумывался об этом.

Мама говорила, что у его отца такое милое, дружелюбное, веснушчатое лицо. Мэтью всегда хотел быть похожим на него.

Но увы…

– Не понимаю, о чем ты, – произнес Мэтью, и собственный голос показался ему чужим.

– Генри Бранвелл тебе не отец! – выпалил Аластер. – Ты – ублюдок Гидеона Лайтвуда. Все это знают, кроме тебя.

В приступе ослепительной ярости Мэтью заехал ему кулаком в лицо. После чего отправился на поиски Кристофера, а когда нашел, вручил ему спички.

Прошло короткое, но насыщенное событиями время, прежде чем Мэтью навсегда покинул школу. За это время взорвалось крыло Академии.

Мэтью сознавал, что совершил неслыханно дерзкий поступок, но, хотя и был не в себе, предложил Джеймсу стать его парабатаем, и каким-то чудом Джеймс согласился. Мэтью и его папа договорились задержаться в лондонском доме Фэйрчайлдов, чтобы Мэтью мог побыть и с папой, и с парабатаем. С точки зрения Мэтью, все получилось как надо.

Если бы только он мог забыть.

Сумеречный базар, Лондон, 1901 год

Джем замер перед танцующим пламенем под сводами черных железных арок лондонского Базара. Он был изумлен появлением знакомого лица в таком неожиданном месте и теплым приветствием Мэтью.

Конечно, он был знаком с сыном Шарлотты. Другой ее мальчик, Чарльз, всегда держался холодно и неприветливо, когда они встречались по официальным делам. Брат Захария знал, что Безмолвные Братья должны оставаться в стороне от мира. Аластер, сын его дяди Элайаса, ясно дал это понять, когда Брат Захария в свое время обратился к нему.

Так и должно быть, прозвучали у него в голове голоса Братьев. Он не всегда мог отличить один голос от другого. Они сливались в тихий хор, исполняя беззвучную, но ни на миг не умолкающую песню.

Джем не обиделся бы на Мэтью, если бы тот относился к нему так же, как и многие другие. Но, похоже, мальчишка не разделял общего мнения. На его светлом, нежном личике проступил испуг.

– Я слишком бесцеремонен? – с тревогой спросил он. – Просто я подумал, что как парабатай Джеймса могу называть тебя так же, как и он.

Конечно, можешь, сказал Брат Захария.

Для Джеймса, его сестры Люси и сестры Аластера, Корделии, он всегда оставался просто Джемом. Захария считал эту троицу самыми милыми детьми на свете. Он понимал, что, возможно, пристрастен, но ему было неважно, как обстоит дело в действительности. Главное – он твердо верил, что это так.

Мэтью светился от радости. Захария подумал о матери Мэтью и о той доброте, которая досталась трем сиротам, когда она сама еще, по сути, была ребенком.

– В лондонском Институте только о тебе и говорят, – признался Мэтью. – Джеймс, Люси, дядя Уилл и тетя Тесса тоже. Мне кажется, я знаю тебя намного лучше, чем на самом деле, так что прошу прощения, если злоупотребляю твоей добротой.

Какие могут быть злоупотребления, когда тебе всегда рады, сказал Джем.

Улыбка Мэтью расползлась еще шире, придавая лицу особую привлекательность. Джем подумал, что тепла в мальчике даже больше, чем в его матери, и оно прямо-таки рвется наружу. Мэтью воспитывали открытым и честным, учили радоваться и доверять миру.

– Как бы я хотел послушать о ваших приключениях с дядей Уиллом и тетей Тессой! – воскликнул Мэтью. – Должно быть, вы здорово проводили время! А с нами ничего интересного не происходит. Говорят, что между тобой и тетей Тессой была настоящая роковая страсть, прежде чем ты стал Безмолвным

Братом. – Мэтью спохватился. – Извини! Вечно я болтаю, что на ум взбредет! Просто я так взволнован, и мне не терпится с тобой поговорить. Конечно, нехорошо напоминать тебе о твоей прошлой жизни. Надеюсь, я тебя не расстроил и не обидел. Мир?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ципао – длинная рубашка-платье, плотно облегающее фигуру, с высокими разрезами по бокам.

2

«Здравствуй и прощай» (лат.).

3

Сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока; традиционный рождественский напиток в США, странах Латинской Америки и Европе. Здесь и далее прим. переводчика.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kassandra-kler/prizraki-sumerechnogo-bazara-kniga-pervaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить